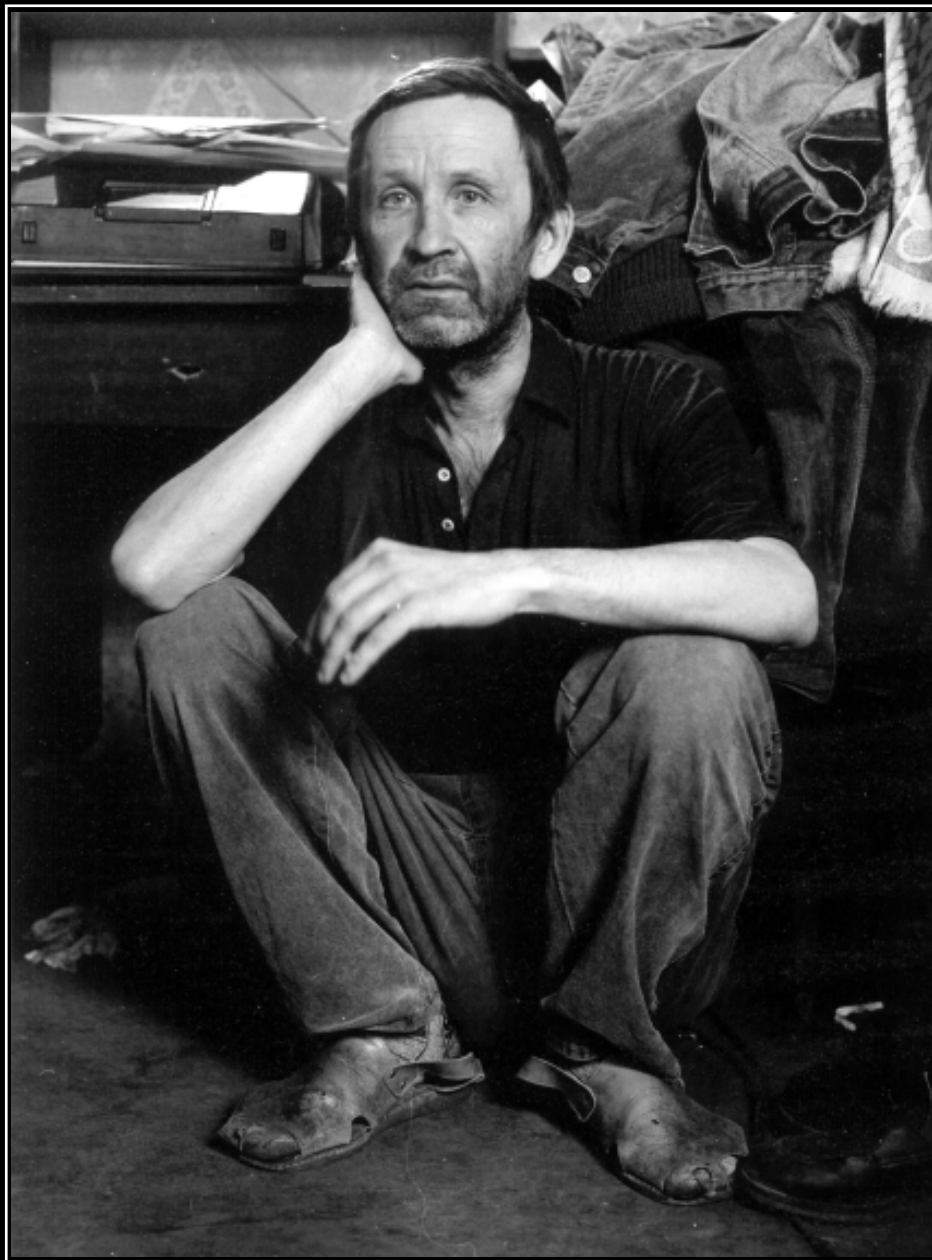

Евгений Аксенов (фото)

Владимир Фролов (стихи)

Лев Роднов (текст, дизайн)

«На парочку злых воскресений...»

Поэт Владимир Фролов живет в городе Сарапуле на реке Каме (Удмуртия), странник, самородок из местных глубин, дотошный «писака», душа без порток, сезонный пропойца, рыбак и философ, мой друг, все теряющий здесь, все прощающий там...

В этих прозрачных глазах - неслезливая влага; камский ветер вкось выскреб канавки морщин на лице, губы крепко зажали тугое молчание; даже зеркала в доме нет - на себя не потешишься.

Для его, нажитых в этом мире сокровищ, слова подбираются густо.

автопортрет

**С утра, с понедельника новая жизнь,
А ты и при ней ни при чем -
Подкинут иль выброшен, но задержись,
На свет опираясь плечом.
Поди догадайся - какой сумасброд
Горячечный мир посвятил
Горячей надежде, а веры оплот
В непрочных сердцах поселил...**

**О Господи Боже, единственный мой
Хозяин окрестностей сих,
Где зябко с утра пробираться домой
На слабых своих, на двоих -
С угла беззащитно бутылки звенят
Как судьбы, как колокола...
И дрогнешь - не по тебе ли звонят
И помнят тебя не со зла.
Порыву доверившись и хрусталою,
В нестойкой толпе у ларька
Спроси огонька и услышишь: - Люблю,
Присядь, коль тропа далека?!**

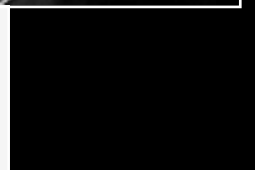
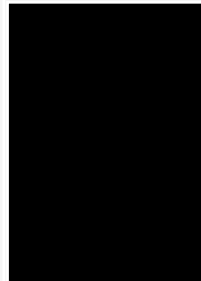
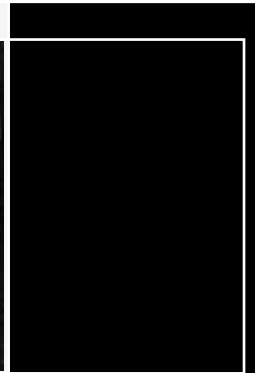
**А сборщик пушнины прохожему рад,
А выпьет - ну прямо святой
Папаша, влюбивший на чай забирать
То сребреник, то золотой.
Бряцающий звон этот по вечерам
Младенцев выводит дурить,
Коль плотник, забросив с фундамента храм,
В тенечке присел покурить.
И на солнцепеке, как на волоске,
Не шастая в ленную тень,
Мы царствуем - строим дома на песке
За выпивку, за трудодень.
Прислушайся - каждую цепкую ночь
Колотятся наши сердца
И бьются, как блюда, и снова - невмочь,
Но стоит терпеть - до конца.**

**Как видишь, строителей целая тьма,
И кто б нас, сердешных, простил?..
О Господи Боже, с какого ума
Ты ждешь, выбиваясь из сил?
При деле мы - разве что крана стрела
Гуляет сама по себе
В лазури шатровой, откуда легла
На плечи бродягам, и не тяжела,
И пусть не меня, так кого-то спасла
Лихая дорога к Тебе...**

**Поэт шифрует в стихах свою жизнь,
потому что в обыденной жизни он сам себе
Слово и Дело. А на белом листе обнаружит
читатель послание - подивится, запомнит,
взгрустнет. Жаль ему автора: мол, нет у
тебя ничегошеньки, значит, все еще будет;
а если все уже есть, то и ждать больше
ничего.**

Это странное чувство, что я не тебя
 провожал
 По дождю на рассвет, на прикамскую
 ветхую пристань,
 Где над темной водой в небесах, камышах
 пробежал,
 Будто вызов судьбы, - гром иль дальний
 охотничий выстрел.
 Правда ль, это не горечь, не радость, но
 что же и что -
 Я один наконец, как юродивый волк-
 одиночка, -
 Словно жизнь возникает из тьмы и уходит
 в ничто,
 На прощанье едва помахав бирюзовым
 платочком.
 Как испуг этот выстрел - отпущенной
 нами судьбы,
 Как исход - зябкий дождь и дрожащие
 ржавые доски...
 Как награда за встречу - скупые мгновенья -
 рабы
 И хозяйева, верно... А дальше ни дна, ни
 загвоздки.
 Дальше хмурый рассвет, мудрый шкипер,
 стакашек, причал,
 Разговор в двух словах и вдогонку
 сорвавшийся ветер,
 Словно я не тебя, а себя впопыхах
 провожал,
 Позабыв, что тебя, как спасение верное,
 встретил.

Сарапул - обветшавший от всех
 перемен городишко, купеческое дитяtko,
 время стоит здесь, как каланча с голубями.
 Может, в других местах годок за годком
 исторически складывались, а здесь они -
 вычитались. Ветер над Камой, скука над
 миром. Резные оконца, позапрошлого века
 наличники, усадьбы, бараки, труппы,
 базарная жадность, горбатые улочки,
 звонкие дети у «Рюмочной», и - деревья,
 деревья, деревья. Вольно здесь деревьям, как
 на кладбище!

Домишко Володи - комната на втором
 этаже коммуналки; деревянный корабль
 коммунизма, в каждой комнате - свой
 капитан. Двор разгорожен штакетником на
 помойные ямы и огороды; не поверите - по
 два квадратных метра земельки на брата! На

сарае кто-то гвоздем первомайскую радость
 прибил - фанерные красные звезды. И на
 Володиной двери табличка есть:
 «Убедительно прошу зря не беспокоить».

Стою, переминаюсь, ничего не могу о
 самом себе понять: есть причина или нет?
 - Не торчи! Делай чай, я сейчас.

Он нелепо лежит на кушетке, ему
 плохо. Кот-бандюга - грязней кочегара - орет
 о жратве. Бумага. Разруха. Чифир.

Надену я белую шляпу
и выеду в город Житомир,
Где листья сирени как судьи
прощают остывший асфальт.
В гостинице «Три менестреля»
сниму с умывальником номер,
С кушеткой, чтоб метко в окошко
окурки и мысли швырять.

В гостинице «Три менестреля»
с веселой хохлушкой Олей
С большого устатку приятно
легонько поозорничать -
Пить джин, апшерон и зубровку,
о худшей не ведая доле, -
Не помнить о старом червонце
и новый не привечать.

Я пью за друзей и подружек
в гостинице «Три менестреля»,
За ветер, живой и свободный
в житомирском нищем саду,
Я пью за всемирное счастье
и радуюсь - да неужели
Я - циник, бродяга и лодырь
к проклятью иду и труду...

В гостинице «Три менестреля»
на сердце нежданная осень,
Сирень и едва ли святая,
но красноречивая грусть -
Я знаю, что мне уготовят,
и помню, за что с меня спросят,
И только на ваши посулы
я лишний раз не обернусь.

За окнами рыжая осень,
на гвоздике белая шляпа,
От запаха воли и водки

я неосторожен и пьян -
Очнусь - и в белесых потемках
топорщится город Сарапул,
И домик, где в печке холодной
голодный ревет таракан.

Наверно, в нелепом театре
кончается отпуск осенний
И не покачнувшись, за Гайдном
со сцены слетает роаль...
Мне вольного ветра осталось
на парочку злых воскресений,

И, стало быть, братья и сестры,
весь мир мне пока что не жаль.

Полегчало, пошли прогуляться. Все,
что лучшее есть - все на нем! В фирменных
джинсах, в крепкой обуви, в куртке из
кожи, в последней рубашке. Солнце и
жизнь, тепло и любовь. Не о чем нам
говорить, можно долго шагать. Мимо
барака с бандюгой-котом, мимо
брезгливых прохожих, мимо редакторских
окон, мимо друзей-алкашей, мимо
школьных задворков, милиции, парка...
Мимо, мимо всего!

Похоже, новый день беспомощней других,
Но выйдешь на крыльцо - и путь открыт до
сада.
Досадно, что опять знаком - от сих до сих,
И рад бы обойти - да вольничать не надо.

Дорогу перейти недолго и не лень,
Прозреть под молодой заплаканной листвою,
И утро пережить, и обозначить день
Не хуже дней других, а лучше и с лихвою.

Не шелуху толочь, а шляться у пруда,
Турусы разводять, болтать - какое благо -
Не с липой, так с ольхой - не стоит и труда,
Не жизнь, а кое-что яснее - эпос, сага?..

Но денешься куда, коль надобны уже,
И надолго - и день, и непоседа-ветер,
И вольный разговор нечаянной душе,
Живой пока еще на милосердном свете.

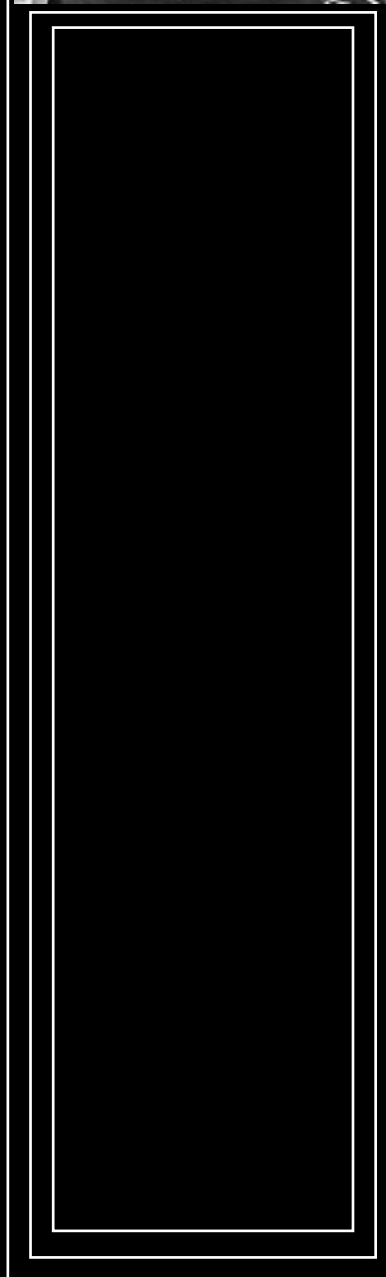
**Год не встречались.
Случай помог. Идет навстречу
мой друг с переметной
спортивной сумой, улыбается.
Видно, что в праведниках
нынче.**

**- Зиму гулял страшно.
Кота потерял. Думал, что не
выживу без него.**

*Не меня привечает столица.
И свое отбродив, неспроста
Я не вижу, куда прислониться,
Приторчать у какого куста.*

*На гулящих московских вокзалах
Под прицелом пространства стою -
Я - пылинка из многих, из малых...
Но выстаиваю, не сдаю -
Общежитие, табор, больница,
Каталажный нежданный покой...
И меня провожает столица
Не икоркой, так коркой сухой.*

*Свет дорожный площаден и резок.
И под ним, в ожиданье вины -
Привередливый лишний довесок
И хребет беспощадной страны.*

В саду таком, где листья и на свет,
Да и на вздох привыкли отзываться,
Где озабоченности нет как нет -
В каком строю вальяжно примелькаться,
Где и тебе, мятежному, дано
Узнать, как мир очнувшийся наряжен,
Где ветру или небу все равно -
Докучен ты себе или отраден.

Не найти золотые ворота,
Не поймать молодую звезду...
Проще жить в колпачке обормота
В шалаше на тенистом пруду,
Ни о чем загодя не гадая
По свалившейся в руки звезде,
За излом бытия полагая
Легкий дым на вечерней воде.

Верную махорочку курю,
Чист и грешен, словно первый снег;
Сладковатый дым боготворю,
Нищий первозданный человек.
Что могу поведать о других,
Коли и себя не помню я...
Боже мой, из бедных рук Твоих
Как сладка махорочка моя.
И когда отправлюсь на покой
В кепочке, одетой набекрень,
Дай мне силы слабою рукой
Не цепляться за грядущий день.
Чтоб уже на день сороковой
Сил хватило - прежде чем вздохнуть
Напоследок - терпкой, заревой,
Горестной махорочки курнуть.

Ветер волюшки - роскоши и нищеты
На кремнистой осенней дороге,
Зачумленные церкви, косые кресты
И отверстие свету пороги.
Под собачий простуженный кроющий лай
И собачью упряжку конвоя
Пой, душа, как гармоника песню играй
И сполна упивайся собою.
Мы не волки, а овцами нас нарекли
Пастухи, но пастушеским свистам
Мы не верим и дальше бредем - вопреки...
И скрываемся в небе пречистом.

Как только время доводов прошло
И бремя искупленья прояснилось,
Ученью беспокойному назло
Я у Аллаха вымолил немилость.
Слепая ярость бедствий и удач
Вернется и окупится охотно...
А ты, душа-молчальница, не плачь
Над тяжестью песка и горизонта.
Прости мне жизнь, кочуя на восток
Навстречу солнцу, от пустого праха
В бунтарский удивленный холодок
Тебе принадлежащего Аллаха.
И пусть тебя терзает неприязнь
К родному телу, вольному отныне...
Так балует слегка водобоязнь
Пустынника, припавшего к пустыне.

Долгожданный закат и свиданка,
Запах яблок и свежего хлеба.
Нескладуха-судьба, содержанка
Вглубь и вдаль уходящего неба.
Вольно ли за решеткой лукавой
Принимать в гости маму-природу,
Обретая осторожное право
На звериную тягу - свободу...
Явь подобна худой анонимке,
А во сне снова не удержаться -
Почерневшей щекою прижаться
К воле, словно последней былинке.

Сыграет на прощание гобой,
Скитальцу - до хора заноситься?..
В прогал небес, студеной, голубой
Душа как бесприданница стремится...
И лишь рубаха чистая с собой -
Смирительная или власяница.

Как вышедший в тираж лукавый
Мефистофель,
В лохматом шалаше я равен бытию -
Не искушая смерть, выхаживать
картофель,
Благославляя жизнь поденную свою.
Меня простили все,
кому я вправду верил,-
В сопливых городах пускай они царят
И царственно пускай
на афоризмы делят

Невинный разум мой и виршами сорят.
В полуденной тени при верном винограде,
При небе и лозе я сторожем живу
Не для забавы или чисто Христа ради -
За каждый Божий день во сне и наяву.
Покорный не судьбе - цветам и травам,
нищий,
Гордыни не боюсь - отправленный в тираж,
Довольствуюсь простой и откровенной
пищей,
Освобождая мир сентиментальный ваш.

Испуганный глухонемой вокзал,
Неровная сентябрьская прохлада -
Ни смерти, ни бессмертия, ни лада...
Куда же я отсюда исчезал?
Не угадаю и не повторю
Мгновения, что городу оставил...
И, честный малый самых честных правил,
Я на шутов прохожих не смотрю.
Уйду в заросший лопухами сад
И выплюсь на затейливой скамейке -
Как трешник, сбереженный по копейке,
Я тот же, что и тыщу дней назад.
А все-таки немного не в себе,
Поскольку не со мной моя отрада,
И ни души на паперти, ни лада,
Ни праздничной покорности судьбе.

В испарине и тьме острожник-славянин
И ходят ходуном голодные лопатки,
Когда сойдет с печи и тяжело пьет хинин,
Спасаясь от евроазиатской лихорадки.
А выйдет на крыльцо - мужичья сторона
Закормлена - вином, начальством,
недородом,
Но в редких просветленьях яростного сна
Вдруг прынет на дыбы под золотым
народом.

Окно распахнешь в палисадник, где
плещется клен
И ветер-скиталец ночлег выбирает под
вечер
И снова покажется - счастлив ты или
влюблен,
Окажется - счастлив - не слишком
тверез и не вечен

Ведь сумерки летние да благовест вдалеке
Настолько твои - кто еще их вернее
оценит .
Никто, кроме жизни, уснувшей в своем
уголке,
А сути ее и свихнувшийся мир не изменит
И не обратит в бесполезный
мечтательный вздор
Легавой риторики или монеты разменной
О счастье грядущем Как склочен такой
разговор
И немилосерден - и масляный вдруг, и
надменный
Что эти пророки, оратели и хрипуны,
В погоне за истиной, спившейся или
пропавшей
В подполье сыром на задворках неловкой
страны
Пред утренней жизнью и будничной
радостью
нашей -
Склоняться над нею и, словно ребенка,
кормить
Не манной небесной, а кашей какой-нибудь
с
ложки
Да в памяти номер на случай фатальный
хранить
Не в райских ли кущах спасающейся
неотложки.

Полна дневная жизнь безделицы и вздора
Когда б не забывать о займах и долгах,
Зачем тогда и жить, боясь чужого взора,
Ни разу не солгав и правды не взалкав
Не оттого ль дана небесная поблажка
Уму, когда средь звезд ночной сверчок
скрипит,
Легко на свете жить - и радостно, и
тяжко-
Луна перед тобой и сквозь тебя глядит -
А за тобой тахта и белая рубашка,
И в ней судьба твоя, поджавши ноги спит.

Бедолага, лишенный успехов и бедствий,
Вспомни - даже горшки обжигали не боги -
И тебя не смутит простота
соответствий
Древу, камню, кресту на бесхозной дороге
Ты не ангел, пропавший в тюрьме
мироздания
Ветерок, перепуганно в ночь над холмами
Шелестящий себе самому до свиданья
В наказание за мир под босыми ногами.

Тугая слабость первых клейких почек
И солнца после оторопи зимней
Жизнь темная - и круче, и короче,
Необратимей и неотразимей
Проймешь ее, докуришь папироску
И улыбнешься утреннему свету -
Как не продлить божественную роскошь,
Беспомощность спасительную эту
Запей свободы горькую облатку
Вином родных туберкулезных камер,
Прощенный и виновный - как в десятку -
За мир, который над тобою замер.

Это может быть вера с надеждой
или сладость последнего срока
На прощанье с любовью нежной
или же нелюбовью жестокой
Это может быть стойкая жажда
сумасшедшего позднего счастья
Это долгие дни что однажды
перестанут идти или мчаться
Это можешь быть ты на закате
Аллилуйя мой Бог Аллилуйя
Это наши святые объятья
наши зыбкие поцелуи
Это наши сожженные лица
то ли временем то ли войною
Это может и не случиться
и спокойно пройти стороною
Это могут быть детские письма
и весенние хрупкие звуки
И осенние нервные листья
и твои драгоценные руки
Это все и священный твой голос
и насмешливый смех серебристый

Это мною украденный волос
баснословный и золотистый
Это и беззаботная прелесть
твоего долгожданного тела
Это дни что давно мне приелись
это ночи без сна и без дела
Это крепкий томительный запах
верный запах созревшей ромашки
Это север и юг это запад
и восток без крапленой рубашки
Это поезд в далекие страны
увозящий тебя почему-то
Это вспыхнувшая и так странно
не кончающаяся минута
Это летняя ночь Мендельсона
это траурный рокот Шопена
Это все чем я жил беззаконно
и узнал свою нищую цену
Это может быть новый порядок
неудавшейся начисто жизни
Это ветер полыни так сладок
и тоска по тебе как отчизне
Это память моя или совесть
это все чем владею на свете
Это честная скудная повесть
о пропавшем счастливом билете
Это бархат твоей светлой кожи
это и мотылек над водою
Это все что на счастье похоже
но впервые зовется бедою
На барометре сухо и ясно
и земля замирает от жажды
Это лишь оттого и прекрасно
что проститься придется однажды
Только это не канет не канет
в глубину потемневшего неба
А всегда и найдет и достанет
где б ни жил я и кем бы я не был.

Владимир Фролов, «Дыханье», Ижевск, «Удмуртия», 1997 г.